

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

## ЕЩЁ РАЗ ПРО ПАТРИОТИЗМ

*Беседа с депутатом Государственной Думы всех созывов  
Анатолием Николаевичем Грешневиковым*

**А. Г.:** Валерий Николаевич, когда мы с тобой были народными депутатами РСФСР, находясь в одной фракции “Россия”, и защищали страну от разрушительных и грабительских реформ Ельцина-Гайдара-Чубайса, то нас называли красно-коричневыми, антисемитами и фашистами. Слово “патриот” было ругательным. Тот наш парламент расстреляли из танков. Сегодня быть патриотом, наоборот, — модно и престижно. А ты можешь отличить патриота от непатриота? Какой смысл ты вкладываешь в понятие “патриотизм”? Тогда почему в период военного противостояния России и Запада, России и США молодые ребята — и их ни много ни мало — 700 тысяч, — любящие, как они говорят, свою страну, сбежали за границу — в Казахстан, Киргизию, Грузию? Многие эксперты считают, что это не трусость, не страх перед смертью, а нечто более опасное — нежелание защищать Россию, решившую отказаться от колониальной западной зависимости в области экономики и культуры, от идеологии общества потребления и вставшую на путь защиты традиционных ценностей. Чем ты объясняешь столь громадную и опасную статистику предательских поступков?

**В. Х.:** Это их выбор, и жалеть таких не стоит. Они, даже живя в России, не связывали свою судьбу с судьбой Отечества. Бог им судья! Убежали туда, где, как им кажется, безопаснее: в Казахстан, Грузию, Армению, Турцию, Израиль. Поживём — увидим, что с ними будет дальше. Достаточно заглянуть в недавнее прошлое и посмотреть, а где же те, кто не сходил с экранов телевизоров в девяностые, “святые” годы”, кто вещал, как тогда шутили, из любого включённого “чайника”: бурбулисы, немцовы, шахраи, шейнисы, красавченки, носовы, ковалёвы, варовы и иже с ними? Откуда они взяли и куда подевались? Следует напомнить, что и они были не засланные “казачки”, а родились и жили рядом с нами, ходили в те же школы, и у нас с ними были одни и те же учителя. Позже я не раз задавал себе вопрос: как произошло, что Дмитрий Волкогонов, бывший главным замполитом Советской армии, стал одним из разрушителей армии и Советского государства? Откуда, из какого угла выползли директор ФСБ России Бакатин, министр иностранных дел Козырев? Даже у нас среди иркутских депутатов, точно по команде из кремлёвского зала, во время восьмого съезда народных депутатов за Ельциным

по-собачьи выбежали бывший начальник Братскгэсстроя Анатолий Закопырин, журналист “Комсомольской правды” Игорь Ширококов, водитель, или, как его называли, депутат из рабочих Геннадий Алексеев, и даже сорвался человек “от сохи” — представитель Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, директор совхоза “Баяндаевский” Павел Имедоев. До сих пор жалею, что председательствующий на съезде Руслан Хасбулатов не поставил на голосование вопрос о лишении “бегунов” депутатских полномочий. “Бес попутал!” — позже скажет он. Сколько же таких бесов бегало за Ельциным? Уж кто-кто, но именно Руслан Имранович, или, как его за глаза называли, “юродствующий хам”, после избрания его Председателем Верховного Совета на съезде с редкостным умением и рвением начал расчищать дорогу к единоличной власти бывшего Свердловского обкомовского секретаря. Голосами этих людей, их стараниями Ельцин стал для страны управляемой гирей, при помощи которой были разрушены скрепы государства. Прозрение пришло позже, когда страну начали заливать и заваливать дешёвым зарубежным “Роялем”, который производился в Гамбурге, и собачьей тушёнкой, называя всё это гуманитарной помощью. Раньше мы поставляли продовольствие слабым развивающимся странам Латинской Америки и Африки, теперь Германия присылала своим бывшим победителям залежалую тушёнку и технический спирт, от которого смертность в России за один год возросла более чем в шесть раз. Пейте и закусывайте, славяне! По всей стране начали останавливаться заводы и фабрики, а из страны начали самолётами вывозить до этого неприкосновенный золотой запас. На самом высоком уровне всерьёз заговорили, что Японии надо отдать Курилы и заключить с нею “мирный” договор. Именно тогда начали предавать всех наших союзников и друзей по всему миру. Это стало сигналом для сепаратистов и националистов. Именно тогда подняли голову бандеровцы на Украине и националисты в Прибалтике. Дело-то было сделано! И чего сегодня бросать камни в Ельцина — его подняли на своём горбу нашими руками. После короткой отсидки в следственном изоляторе “Лефортово” Руслан Имранович Хасбулатов наконец-то прозрел и в своих записках начал стыдливо признавать свои заблуждения. Что ж, камерная тишина иногда помогает приходиться к здравым рассуждениям. Это позже и рядовые избиратели, стыдливо пряча глаза, как защитную мантру, начнут, оправдываясь, восклицать: “А мы за Ельцина не голосовали!” Голосовали, чего уж там! Почему я возвращаюсь в те ныне далёкие девяностые годы? Не только потому, что был свидетелем и участником тех событий. Сегодня ответы на многие вопросы надо искать там и понимать, что произошло с нашими, как мы иногда говорим, украинскими братьями. И с каким коварным врагом мы, ослабленные и неподготовленные, схлестнулись в ожесточённой схватке. Признаюсь, в 90-е годы было ощущение падающей стены...

Став депутатом Верховного Совета и очутившись в Москве, я начал присматриваться к своим коллегам-депутатам и с некоторым удивлением увидел эйфорию тех, кто ещё вчера стоял за станками, сидел за штурвалами самолётов. Им тогда казалось, что наконец-то исполнилось то, о чём они и мечтать не смели, не понимая и не ощущая, что они всего лишь живые “винтики”, которым отведена определённая роль — выстроить управляемую, подчинённую заокеанским хозяевам власть в России. Как иногда говорят: “Не хочешь — поставим, не умеешь — научим или купим”. После первой же сессии, во время летних каникул, группа либерально настроенных депутатов была приглашена в Соединённые Штаты, где с ними была проведена определённая работа и проведены встречи, в том числе даже с бывшим президентом Джимми Картером. Такие контакты продолжались и в Москве, когда того же Илью Константинова и Михаила Астафьева приглашали на беседы в американское посольство, поскольку со временем они вошли в оппозиционный Ельцину Фронт Национального спасения России. Это позже, после расстрела Белого Дома по призыву творческой интеллигенции “Раздави гадину” была открыта охота на ведьм с указанием конкретных миллионов за поимку наиболее известных оппозиционных лидеров. Когда того же Илью Константинова схватили на улице и затащили в машину, полицейский начал, не стесняясь задержанного, прикидывать, что он купит на объявленную награду за поимку “государственного преступника”:

— Возьму холодильник, телевизор и видак, — загибая пальцы, начал перечислять он.

В этом мире всё имеет свою цену. Американцы, приглашая либерального Илью Константинова и его товарищей поглядеть Америку, выдали приличные чаевые. Что ж, когда к ногам упала такая страна, пачка долларов — это ж мелочёвка. Вон сегодня на Украину банкноты, как и бомбы, завозят грузовыми самолётами. Деньги — всего-то лишь отпечатанная бумага! Дают, когда нужно твоё согласие, и дадут другим, чтобы заткнуть рот.

Сегодня первыми уехали те, для кого Россия — не Отечество, а место, где можно было заработать, а потом уехать в ту же Америку или Израиль.

Туда ещё с начала семидесятых годов шёл основной поток бывших наших соотечественников. Почему-то на ум приходит шутивная песня Владимира Высоцкого:

Мишка — врач, он вдруг затих:  
В Израиле бездна их,  
Там гинекологов одних —  
Как собак нерезаных;  
Нет зубным врачам пути,  
Потому что слишком много просят.  
А где на всех зубов найти?  
Значит — безработица!

Мишка мой кричит: “К чертям!  
Виза — или ванная!  
Едем, Коля, — море там  
Израилеванное!..”

Говорят, какое время, такие и песни. Например, бывшему детдомовцу, замечательному русскому поэту Николаю Рубцову виделось другое:

Я весь в мазуте, весь в тавоте,  
Зато работаю в тралфлоте!

Печально пела радиола,  
Звала к любви, в закат, в уют...  
На камни пламенного мола  
Матросы вышли из кают.

Они с родными целовались.  
Вздудвал рубахи мокрый норд.  
Суда гудели, надрывались,  
Матросов требуя на борт.

И вот опять — святое дело!  
Опять аврал, горяч и груб,  
И шкерщик встал у рыбодола,  
И встал матрос-головоруб...

Мы всю треску сдадим народу,  
Мы план сумеем перекрыть.  
Мы терпим подлую погоду,  
Мы продолжаем плыть и плыть.

Я, юный сын морских факторий,  
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,  
Чтоб для отважных вечно — море,  
А для уставших — свой причал...

Действительно, в те застойные годы страна и люди начали уставать. От очередей в магазинах, от вранья тогдашней власти. Вообще людям всегда нужны перемена мест, смена впечатлений. А тут, куда ни глянешь, везде и всюду одно и то же. С экранов, шмакая дряблыми губами, то и дело вещали

усохшие старики. Даже молодые партийные и комсомольские работники уже и сами не верили в то, что им предлагали говорить и делать. Накопилась критическая масса перерожденцев, которые с охотой рванули бы на Запад, в другую, как им казалось, райскую жизнь. Но и эта прослойка была неоднородной, у большинства побудительным мотивом стало вполне естественное стремление жить лучше, ходить в джинсах, майках, пуховиках и кофточках, жевать заморскую жвачку, которая освежает дыхание, не стоять в магазинах за продуктами и водкой, смотреть ту видеопродукцию, которую до поры до времени прятали и прикрывали фиговым листком, ограничениями для детей и людей с расстроенной психикой, (впрочем, эти ограничения никто и не собирался соблюдать). Исподволь подводили к мысли: всё, что ни делалось за последние семьдесят лет, на фоне сытой жизни в “свободном мире” плохо, мерзко, и от этого надо побыстрее освободиться, считая, что крутить гайки и возиться в тракторной смазке – дело тех, кто большего и не достоин. Я вспоминаю, что одним из любимых занятий моих коллег-лётчиков гражданской авиации было сравнение зарплат командира корабля американского “Боинга” с тем, что получаем мы. Цифры были явно не в нашу пользу. Все другие льготы, которые предоставляло государство, – бесплатную форменную спецодежду, бесплатные санаторные путёвки, бесплатный перелёт, почти бесплатные ясли и детские сады, бесплатное образование, бесплатные занятия спортом, копейный проезд в общественном транспорте – не брались в расчёт. Всё покрывала итоговая сумма наших американских и европейских коллег. Родителей почти не волновало, куда ходят и что смотрят их дети. А следовало бы! Там и сям стали появляться полуподпольные видеоцентры, где за плату можно было смотреть то, от чего у понимающих людей волосы вставали дыбом, по всей стране срабатывал горбачёвский посыл: всё разрешено, что не запрещено! Зарубежной, в основном американской кинопродукции была открыта “зелёная улица”. Возразить или противопоставить иную точку зрения, защитить свой дом, своих детей от хлынувшего потока низкопробной информации стало невозможно, тем более что телевизор и “видак” становились повседневной реальностью в каждом доме, а формированием и подачей телевизионных программ занимались те, кто ненавидел всё русское или советское. “Совок” – стало самым ходовым словом, чтобы отвлечь от всего, на чём держалось сознание людей. Это потом диссидент Александр Зиновьев скажет, что целились в коммунизм, а попали в Россию. Быть патриотом, по словам тех же англичан, – это же есть “последнее прибежище негодяев”. Негодяи, в понимании обывателя, – это, конечно же, партийные боссы, имеющие продуктивные пайки и наборы, хорошую зарплату, которую они всё время для себя поднимают, ездят на чёрных “Волгах”, содержат молодых любовниц и так далее. Надо жить здесь и сейчас, а лучше всего – в Испании или Англии. Ну, на худой конец, в Израиле. Но до поры до времени они были расчётливы и бзделоваты, им нужен был тот, кто грохнет по столу кулаком и всё перевернёт к чёртовой матери. Как это ни странно звучит, такого нашел Лигачёв в Свердловском обкоме партии – амбициозного, расчётливого, но, как и все партийные боссы, бзделоватого: вспомнить хотя бы случай, когда по приказу министра обороны Язова в 91-м году в Москву начали входить танки; пьяный Ельцин собирался уже рвануть в американское посольство. Так вот, такого расчётливого и управляемого нашли. Который был способен не только стакан опрокинуть, но под хмельком опрокинуть всё, что попадёт под руку. Кстати, уже подмечено: трусливые чаще всего, когда им угрожает опасность, бывают самыми жестокими людьми. Те же, кто поставил на Ельцина, мыслили шире, они подключили информационный ресурс и начали рисовать человека, болеющего и страдающего за народ. Пишущая и снимающая – надо сказать, не без таланта – журналистская братия типа Миши Полторанина облепила его, как породистого пса, и стала сопровождать во всех передвижениях и поездках. И случилось неожиданное: под патриотические возгласы и народные шествия всенародно любимый опрокинул не только словоохотливого, похожего на дворнягу Генсека, но и стоящую за ним трухлявую систему, в которой, собственно, и выросли они вместе. Зачем искать палача на стороне, он всегда найдётся рядом...

Вообще определять, кто – патриот, а кто – негодяй – занятие пустое. Патриотизм – не панацея от тех бед и проблем, которые есть в России. Чаще всего за этим словом удобно прятаться хамелеону: сегодня он патриот,

а завтра, как бабочка-капустница, объев свежую зелень, перелетит на другое растение и делает это с открытым ртом, так, что даже не успеешь глазом моргнуть. Такое уже бывало. Был Тушинский вор, была Марина Мнишек, потом выныривали помельче: Власов, Пеньковский, тот же Бакатин. И всё же за всю тысячелетнюю историю государства Российского не было человека, который бы, стоя на трибуне американского конгресса, капитулировал перед ненавистниками русского народа, не поперхнувшись брякнув на весь мир: “Господи! Благослови Америку!” Вот так в слепом царстве оказался пьяный поводирь.

Патриотизм — это, прежде всего, совесть. Это когда думаешь не только о себе, но и о тех, кто рядом, с кем придётся жить дальше и не думать о том, что ты бы мог сделать, но не сделал. Лично мне больше нравятся слова “сын Отечества”.

**А. Г.:** Для Белова и Распутина важную роль в творчестве сыграла глубокая философская идеология Достоевского, которую они последовательно исповедовали: “По-моему, порядок в земле и из земли, и это везде, во всём человечестве, — писал Фёдор Михайлович. — Весь порядок в каждой стране — политический, гражданский, всякий — всегда связан с почвой и характером землевладения в стране”. Так как тебе повезло и дружить, и общаться с Беловым и Распутиным, скажи, что они считали главным и ценностным в обустройстве России в соответствии с русским социальным идеалом, какую загадку русской души несли герои их книг?!

**В. Х.:** Фёдор Михайлович Достоевский в своей юбилейной речи, посвящённой Александру Сергеевичу Пушкину, сделал попытку не только обозначить суть проблемы существования западников и славянофилов, возникшей в России, но и попытаться найти точки, которые, по его мнению, могли примирить или хотя бы снизить градус полемики и разглядеть возможность мирного сосуществования двух течений в политической жизни Отечества. Достоевский писал:

*“Ибо что же тут делать: в интеллигенции и в Европе лишь правда, а потому хоть у вас и восемьдесят миллионов народу (чем вы, кажется, хвастаетесь), но все эти миллионы должны, прежде всего, послужить этой европейской правде, так как другой нет и не может быть. Количественно же миллионов нас не испугаете. Вот всегдашний наш вывод, только теперь уж во всей наготе, и мы остаёмся при нём. Не можем же мы, приняв ваш вывод, толковать вместе с вами, например, о таких странных вещах, как *le Pravoslavie* и какое-то будто бы особое значение его. Надеемся, что вы от нас хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда последнее слово Европы и европейской науки в общем выводе есть атеизм, просвещённый и гуманный, а мы не можем же не идти за Европой”.*

Опыт отъезда за бугор наших соотечественников начался не вчера. Кто хотел, тот уезжал или убежал ранее, как это сделал соратник Ивана Грозного князь Андрей Курбский, позже воевавший в составе польских отрядов против русских. Затем Александр Герцен, автор “Колокола”, который, по мнению Ленина, разбудил Россию. Тот, отъехав в Туманный Альбион, начал исходить слюной во время Крымской войны, не только обвиняя собственное Отечество, но фактически став на сторону его врагов. А что, сейчас таких меньше? Анна Ахматова сразу же после исхода Белой армии из Крыма написала такие строки:

Горькую обновушку  
Другу шила я.  
Любит, любит кровушку  
Русская земля ...

“Бегунам” всегда казалось: на Западе они будут приняты, обласканы (свои же!) и, конечно же, будут равными, поскольку они не чета вымаливающим копейки марокканцам, афганцам, ливийцам, они приехали не с пустыми руками, у многих в России было своё дело и даже наёмные работники. Но оказалось, что нужны-то они были в России, когда бежали за “навальными” и иже с ним по Болотным и другим площадям. А в Америке, как в песне:

“Деньги есть – Уфа гуляем, денег нет – Чишма сидим!” Нет денег, так даже в самом раскрепасном, почти русском Брайтон-бич вставайте в очередь мыть посуду. “Деньги есть – Нью-Йорк гуляем, денег нет – в трубу летим!”

“Для чего слеп плачет, что зги не видать, – усмехаясь говорил про таких Василий Иванович Белов и дополнял: – Пролитое полно не живёт”.

**А. Г.:** Валерий Николаевич, врагов мы знаем в лицо. А кто нынче наши союзники?

**В. Х.:** Александр III говорил, что у России есть два союзника: её армия и флот. Я бы добавил, ещё есть русский учитель и русский язык. Русский язык, русская история стали той объединяющей силой, которая сделала Россию великой. И сделал это русский учитель.

Как пишет учитель истории, писатель Наталья Георгиевна Петрова, “после конституционного безумия 90-х началась реформа образования. Сегодня она закончена, потому что достигла своих целей: наше образование скопировало чужое или чуждое, и у нас сейчас ровно та ситуация, которая была 100 лет назад, когда внедрили популярный в начале XX века американский метод проектов и тестирование вместо устных экзаменов. В 20-е годы в Советской России тоже отвергли традиции русской школы вместе с предметами, учебниками, уроками, экзаменами, отметками и учителями; их заменили “шкрабы – школьные работники. Кстати, такой предмет, как история, тоже отменили. И что же? Прошло десять лет, началась индустриализация, потребовались специалисты, а не люди, осведомлённые о чём-то в общих чертах. И тогда всё вернули в прежнее русло: и предметы, и уроки, и учебники, и историю, и даже учителей с отметками и экзаменами. И это были те же учителя, которые до 1917 года преподавали в гимназиях и училищах. Правда, в новых программах отменили латынь и греческий, логику, Закон Божий, два иностранных языка, а остальное сохранили. Вместо нововведений, взятых из опыта американской школы для фермеров, вернулись к своей национальной школе, у которой есть проверенные опытом традиции. И выпускники этих советских школ выиграли войну”.

Только в нынешней России учитель ныне не воспитатель для родителей и детей, как это бывало ранее, не истина в последней инстанции, а фигура, зависящая от всех и вся. Он – призванный оказывать услуги наёмный работник, который не любит свою работу, у наёмного любви к хозяевам нет и быть не может. Тот, кто провёл школьную реформу в современной России, знал истинное предназначение русского учителя.

От рождения и до своей кончины мы живём в системе исторических, географических, временных, психологических, экономических, социальных координат. Ещё в лётном училище нас учили: для того чтобы правильно ориентироваться, чтобы попасть в нужное время в нужное место, необходимы карты, у нас в авиации такими стали полётные карты. Сидишь за штурвалом и, сличая карту с местностью, отмечаешь, где находится самолёт в данную минуту. То же самое происходит и в жизни. Сравнивая прочитанный текст рассказа или повести с реальной жизнью, ты отмечаешь про себя: всё ли так происходило или бывало в жизни. Не знали мы только одного. Этот эффект сличения, сличения так называемой правды с истиной, уже давно используют специалисты по информационным войнам. Для того чтобы заманить людей так называемой напечатанной “правдой”, воздействовать на психику человека, была придумана система так называемых ложных маяков. Задача была одна – заманить, исказить, увести от истинного, заданного курса, сделать человеческий мозг податливым и управляемым. Таких управляемых вели и продолжают вести куда надо, – например, сегодня это делается при помощи гаджетов, социальных сетей – и берут в полон не только отдельно взятого человека, но и целые государства. Спросите, как отличить ложное от истинного? Что может быть мериллом или правилом в подобной войне? Личный и не только личный опыт. Тщательная и выверенная подготовка, знание психологии, медицины, собственной истории и, конечно же, особенностей воздействия печатного слова наших врагов на психику человека. Как уберечься и распознать подвох? Задай хоть один раз себе вопрос: кому выгодно, чтобы ты замолчал и убрался с дороги или двинулся туда, куда тебя хотят завести. Особенно когда тебя уговаривают и заглядывают в глаза... Кстати, мелькающая

на экранах реклама и клиповая подача — это один из элементов психологической массовой обработки населения...

С нашей стороны надо не ждать и не вскармливать негодяев, которые на весь мир начинают кричать, что будут стрелять в своих недавних товарищей и им всё равно, что останется от России, от русского мира — обломки или ядерный пепел...

**А. Г.:** Героями твоей книги “Мы же русские!” являются истинно русские писатели — Белов, Распутин, Астафьев, Вампилов и т. д. Можешь ли ты назвать кого-нибудь из современных писателей, равных Белову и Распутину, Абрамову и Вампилову, Солоухину и Залыгину?

**В. Х.:** Василий Иванович Белов, Валентин Григорьевич Распутин, Виктор Петрович Астафьев?! Мне действительно в течение длительного времени пришлось общаться с ними. Зачем математически пытаться подогнать или уравнять одних с другими? Они были разными и по характеру, и по темпераменту, и по жизненному опыту. И внешне они были разными. Объединяло их одно: они с детства знали, что такое крестьянский труд. И писали об этом точно, выверенно и не скрывая своей любви к родной земле. Я не раз заставлял Распутину в рабочей одежде, кирзовых сапогах и фуфайке, когда он копал огород, сажал картошку, огурцы, помидоры, морковь, свёклу у себя на даче. Видел и руки Василия Ивановича, крупные, привыкшие к топору, с сухими мозолями и жёстким рукопожатием. В разговорах, если собеседник пытался навязать ему свою волю, он сразу же, без оглядки, не расшаркиваясь перед собеседником, бросался в спор, из-под седых нависающих бровей глаза его начинали сверкать; ну, ни дать ни взять — бульдог, который от своего не отступит и будет трепать, насколько хватит сил. Доверял он больше всего своему уму и сердцу. Да, он не привык проигрывать спор, уверовав, что его мнение правильное и окончательное. А дальше твоё дело — согласишься ты с ним или отступишь. Авторитет среди читателей у него был огромным. Особенно любили его в Вологде. Любили за прямоту, за умение сказать в глаза тем, кому было не принято говорить то, что существует на самом деле. Рассказывали один случай. Однажды, ещё в советское время, во время поездки в Грузию на торжественном приёме по случаю отъезда делегации он попросил слово и, сравнив условия жизни в Вологодской области, где природные условия гораздо суровее грузинских, сравнив цены на зелень, яблоки, мандарины, фрукты, добавил, что его землякам при сильных морозах нужны дополнительные расходы на зимнюю одежду. И, заглянув в подготовленную бумажку, сравнил бюджеты Вологодской области и Грузии и указал, что цифры для его Вологодчины в разы меньше, чем для южной республики. Принимающие хозяева с холодным любопытством смотрели на заикающегося русского мужичка, но на ту травлю, которую они много позже учинили Виктору Астафьеву после “Ловли пескарей в Грузии”, не решились, сказав, что готовы сброситься и помочь конкретно Василию Ивановичу пережить холодную зиму. Поднимать крик и выносить сор на люди им было не с руки, момент ещё не созрел. Это в конце восьмидесятых во время писательского съезда грузинские писатели набросились на Астафьева, и уже Распутину пришлось выходить на трибуну и защищать собрата по перу. Кстати, после расстрела Белого дома, когда по указанию мэра столицы Лужкова в московской квартире Распутину отключили свет и телефон, Астафьев, к которому в Овсянку приезжали Горбачёв и Ельцин, и пальцем не пошевелил, чтобы сказать своё слово в поддержку и защиту собрата по перу. Распутину в Иркутске уважали, но его замкнутость заставляла людей держаться от него как бы на расстоянии. Да и сам он в объятия читателей не бросался. Иного, как бы тогда сказали, производственного опыта у Распутину не было, писательство было для него единственной профессией. Наибольшую известность ему принесли очерки против поворота северных рек, чтобы напоить водой среднеазиатские республики, и защита озера Байкал. Надо вспомнить, что после окончания университета он недолгое время работал на иркутском телевидении, откуда за материал о невинно осуждённом писателе — иркутянине Поликарпе Петрове — Распутину уволили, и он уехал работать в молодёжную красноярскую газету.

В начале девяностых годов среди патриотов был очень популярен “Литературный Иркутск”, который Распутин предложил возглавить известной молодой

писательнице Валентине Васильевне Сидоренко. Сам Валентин стоял у неё как бы за спиной, по возможности искал средства на финансирование газеты, советовал, подыскивал интересные статьи и очерки. Но сам держался в тени.

В своей литературной работе Распутин был похож на крестьянина: тщательно, как зерна, отбирал слова, взвешивая их на невидимых весах. Как он сам вспоминал, в период учёбы в иркутском университете он стеснялся своей одежды, своего безденежья и деревенского языка, но потом понял, что ангарский говор односельчан и есть та кладовая, которую дал ему Господь, и её надо открывать для читателей, а не держать на запоре. Характеры своих героев он пропускал через свою душу, пытаясь не только разглядеть их, но и для проявления характеров столкнуть друг с другом, при этом наделяя каждого только им присущими словами и речевыми интонациями. Иногда даже получалось с перехлёстом; были и такие, кто говорил: и где это он находит таких женщин, которые говорят и рассуждают, как преподаватели филологического факультета, начиная свою речь забытыми словами и наречиями, которых сегодня и по отдалённым деревням трудно сыскать? Но потом притихли, когда другие критики и филологи начали ставить Распутина на одну доску с Достоевским. Иркутянка Галина Витальевна Афанасьева-Медведева – сама преподаватель, доктор филологических наук, ставшая лауреатом Государственной премии, – когда-то опьянённая и очарованная ангарским говором героев Валентина Григорьевича Распутина, всю свою молодую энергию и жизнь положила на то, чтобы собрать всё многообразие народных говоров Восточной Сибири и поместить под обложку “Словаря народного слова в рассказах и повестях Валентина Распутина”. Хочу привести небольшой отрывок из предисловия Валентина Курбатова к этой книге:

“Вот! Человек как будто на минуту выходит из порядка жизни и смущённо останавливается посреди чужой речи; как хорошо, как ясно и вместе с тем “ново”, будто слух сполоснули: “В ком чё есть, то и будет. И хошь руки ты б его, хошь испечалься об нём – он своё возьмёт. Никакой правью не поправишь”. И как непривычны эти вдруг услышанные и становящиеся отдельными слова “говоря, елань, завозня, дивля”... Да и не они даже, а само течение речи, где эти “чё, ить, ажли” естественны, как дыхание. Никаких других слов не сыщешь, потому что тогда суть сказанного потеряет народную правду. Тут открой на любом месте, и тут же весь там – в середине жизни, – и колыбельная память, хоть ты и родился на другом и в другой среде, унесёт тебя в горький свет закатывающейся жизни. И мы ведь ещё вчера не останавливались в чтении и не думали о словаре. Вот поэтому мы узнали и полюбили “деревенщиков”, что они возвратили нас в полноту дома и Родины, чтобы мы ещё могли наглядеться и ухватиться душой, чтобы не потерять себя в исчужа завезённой новой реальности.

Теперь вот поневоле думается, что в “Деньгах для Марии”, в “Последнем сроке”, в “Прощании с Матёрой” он и сам торопился нажиться той любовью и светом, оплакать, обвить её, как учила старуха Анна. Сегодня Галину Витальевну знают и уважают все, кто любит и ценит русское слово, русскую речь. Её книги – настоящая кладовая и, не побоюсь этого слова, памятник не только Валентину Распутину, но и кладовая для тех, кто придёт ему на смену”.

По моим ощущениям и наблюдениям, Распутин, как это было принято говорить, в своих рассказах и повестях не раскрывал человека, а как бы ждал, когда он раскроется сам. Есть писатели, которые из кожи вон лезут, чтобы быть на виду, в центре всеобщего внимания, высказываясь по любому поводу и без повода. Про таких говорят: “Мели, Емеля, – твоя неделя”. Распутин в жизни был не особенно словоохотлив, чаще всего он помалкивал. Лучше всего его можно было разглядеть в написанном или напечатанном слове. Если он его поставил, то оно будет стоять крепко и на своём месте. И не постесняется убрать или исправить, если оно вызывает сомнение.

Конечно же, он не мог оставаться в стороне от того, что происходило в России. Когда начались выборы в Верховный Совет СССР, выдвигать свою кандидатуру не стал, но, как и Василий Иванович Белов, от предложения пойти по списку не отказался и прямоком угодил в депутаты, а после и в помощники Горбачёва, наивно полагая, что можно напрямую повлиять на принимаемые решения.

Кстати, в те годы многие российские депутаты решились пройти через это горнило, считая, что они известны и любимы в народе. Быть избранным



депутатом стало почётно, это ещё одна реальная возможность проверить свою популярность на ярмарке тщеславия. Но оказалось, что такие надежды оказались не совсем верными. Для многих этот тест оказался холодным душем. Я помню, как иркутские писатели после криков и скандала на своём собрании выдвинули кандидатом в депутаты главного редактора “Литературного Иркутска” Валентину Васильевну Сидоренко, которую поддерживал Валентин Распутин. В финале, в результате тайного рейтингового голосования Валентина Васильевна набрала наибольшее число голосов и обошла секретаря Иркутской писательской организации поэта Ростислава Филиппова. Но Валентина Васильевна, добившись своей маленькой победы, идти и добиваться расположения своих будущих избирателей не стала, заявив, что вообще-то много званных, да мало избранных и что она будет заниматься тем, что сегодня нужнее всего, — она займётся газетой. Побеждать своих мы научились, но для чего же тогда был весь этот сыр-бор?

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, возможно, она оказалась права. Меня выдвинули коллеги-авиаторы от объединённого авиаотряда. Тогда я ещё не знал, какой тяжёлый и изнурительный многомесячный зимний марафон предстоит пройти. Двенадцать крепких и сильных соперников по одному округу, люди известные, имеющие деловую репутацию, работавшие секретарями горкомов и обкомовских структур, обладающие партийным, административным и финансовым ресурсом и жизненным опытом. Ранние утренние поездки в переполненных трамваях и автобусах, встречи в гаражах, школах, на планёрках в поликлиниках, швейных мастерских, в цехах заводов и в магазинах, в казармах перед отбоем и даже в церковных приходах. А после была поездка в Монголию, где к нашему округу был приписаны воинские части ограниченного воинского контингента. Там в Суланхэрэ, на границе с Китаем, приехавших кандидатов чуть было не расстрелял солдат-азербайджанец, решивший отомстить за события в Баку, но его, к счастью, успели перехватить прямо у порога солдатского клуба, куда он бежал с автоматом в руках. Вспоминая то время, хотелось бы отметить: страна работала, люди верили и надеялись, что жизнь развернётся в нужную и правильную сторону. Кстати, я видел, что люди доверяли лёгкой форме и тем книгам, которые я успел написать и издать. Так что шанс у каждого из писателей был. . .

Запомнилось, сразу же после писательского собрания, ко мне подошёл Валентин Григорьевич, к тому времени уже ставший союзным депутатом, начал говорить: “А ты, Валера, не бойшься, что однажды к тебе в квартиру постучится цыганка, а за нею куча ребятишек и скажет, пока ты не добьёшься ей квартиры, она поживёт у тебя?” Я с некоторым удивлением глянул на него. Позже, уже после расстрела “Белого дома” он на моем дне рождения сам вспомнил и объяснил тот эпизод:

*“В своё время Фёдор Тютчев написал стихи:*

Блажен, кто посетил сей мир  
В его минуты роковые!  
Его призвали всеблагие,  
Как собеседника на пир.

— Я думал, что в этом поэтическом преувеличении есть какая-то неправда, — продолжил Распутин: — Ну, какое может быть блаженство в минуты страшные и роковые! В эти страшные дни и минуты наши враги кажут по телевизору горящий Белый дом, бегущих по улицам людей, солдат в касках и стреляющие по окнам российского парламента русские танки. А ведь в доме наши соотечественники, живые люди, народные депутаты, персонал. И это не сон, это у нас, на российском телевидении, вещает американский канал CNN. Но уже сегодня, спустя некоторое время я могу сказать: прав был поэт. Это были минуты, когда сидящие там депутаты смогли показать себя, свой характер, свою силу, своё человеческое достоинство. Здесь я могу назвать фамилии Сергея Бабурина, Анатолия Грешневикова, Виктора Михайловича Спирина, Владимира Подлужного, Леонида Ясенкова, Валентина Редькина, Владимира Вершинина. Мне приятно, что они почти все сибиряки и Валерины друзья. Мне хотелось бы напомнить один случай. В начале девяностых годов, когда я узнал, что Валера выдвигается в депутаты, я при встрече сказал:

“Зачем тебе это? Одно дело, когда тебя впрягают, но зачем добровольно лезть в эту упряжку? Живёт себе человек за милу душу, летает, пишет книги, издаёт их, и добавил: “А ты не боишься, что однажды к тебе в квартиру постучится цыганка, а за нею куча ребятишек и скажет, пока ты не добьёшься ей квартиры, она поживёт у тебя”. Я думал, напугаю! А только позже до меня дошло: надо же такое сказануть – напугать лётчика! То, что довелось испытать российским депутатам, Валериним друзьям, сегодня трудно представить. Это была судьба совсем иного рода, и начинаешь думать: да, поэт был прав, что блажен тот человек, кто посетил наш мир в минуты роковые, и начинаешь понимать: вы нас гнёте? Ничего, мы выстоим и пойдём дальше, уйдём в глухую оборону и, как Москва ушла от Наполеона, так и Россия уйдёт от Ельцина и от тех, кто сегодня рядом с ним управлял Россией. Вернее, думал, что управляет...”

**А. Г.:** Валерий Николаевич, на одной из встреч, на иркутском телевидении Василию Ивановичу Белову был задан вопрос: “Зачем России нужны храмы, можно, наверное, сохранять духовность и без них?”

**В. Х.:** Было такое. У меня даже сохранилась запись той беседы, на которой они были на иркутском телевидении с Валентином Григорьевичем Распутинным. “Русский – значит православный, – говорил Белов. – Русский народ и духовность – неразделимы! Трагическое разделение русского человека и, как следствие, разделение русского народа произошло, когда случился церковный раскол. И после начало дробиться наше духовное сознание. У нас в Вологде был митрополит святитель Игнатий, который встречался в Александром Сергеевичем Пушкиным. Он говорил, что корень нашей духовности один. И противник у нас один – это атеизм. Это неверие в Бога нашего и Спасителя. Я уверен, что нельзя возродить духовность без храма. Я у себя в деревне Тимонихе решил возродить храм. Жителей в когда-то богатой и населённой деревне почти не осталось. Но в голове засела и не давала покоя одна мысль, что воскресение единого нашего дома, тела нашего, невозможно без восстановления церкви и приходов. Но для этого нужен первый шаг. Недаром у нас говорят: почин дороже дела. Осмотрел заброшенную церковь, прикинул, что могу сделать один и кого потом попрошу на подмогу, взял лом, топор, пилу и, перекрестившись, принялся за работу. Ещё никогда не работал я с такой охотой, точно Господь мне сам помогал. Кой-где заменил оклад, починил крышу, сделал крест. Он оказался тяжёлым, его я вырубил из лиственницы. Но поскольку помощников, кроме Господа Бога, поблизости не оказалось, решил при помощи верёвок поднять крест на купол. Было это после дождя, а я торопился закончить работу. И, поскользнувшись, сорвался! Но Господь и здесь помог, уберёг меня: ободрав руки в кровь, я сумел зацепиться и спуститься на землю. Крест я всё же установил, когда подсохло. Поглядел на него издали: стоит крепко, на своём месте. В душе шевельнулось доброе и хорошее чувство: вот стоит начать – и всё получится. Отвечая на заданный вопрос, могу сказать: надо соединить культуру светскую и духовную. Начать со “Слова о полку Игореве” и “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона и потихоньку двигаться дальше...”

**А. Г.:** Многие герои твоих книг – “Приют для списанных пилотов”, “Опекун”, “Колыбель быстрокрылых орлов” “Гагарин. Колумб вселенной”, спектаклей “Сербская девойка”, “Святитель Иннокентий”, “Стюардесса” и других – это носители подлинно русских характерных ценностей и национальной гордости. Когда я писал предисловие к твоей книге “Добролёт”, я назвал тебя русским Экзюпери. Ты не только выдающийся русский писатель, но и прекрасный лётчик, пилот первого класса, командир корабля. Помелись своими размышлениями, какой полёт в твоей судьбе был самым запоминающимся и какую свою книгу ты бы советовал школьникам прочесть в первую очередь?!

**В. Х.:** Какую книгу прочитать? Скорее всего, детскую, “Истории таёжного аэродрома”. Ещё, пожалуй, “Гагарин. Колумб вселенной”. Какой полёт мне больше всего запомнился? Наверное, первый и последний. А так их были тысячи, и каждый был не похож на предыдущий. Что мне дала авиация? Она дала мне профессию, работу, возможность посмотреть на нашу планету

сверху. Подарила незабываемые впечатления и возможность общаться с разными людьми. У тех, кто сидел со мной в кабине были, свои взгляды на нашу работу. Запомнилась одна и та же реплика штурмана, когда после рейса на бодайбинские прииски, он, подводя итог, задавал как бы сам себе один и тот же вопрос: “Может ли наша зарплата компенсировать затраченное время?” В то время один рабочий лётный день стоил примерно двадцать рублей. Полетавший в Авиаэкспорте и знавший, сколько получают лётчики в зарубежных авиакомпаниях, он мрачно вопрошал, кто же там у Господа работает бухгалтером?

По его мнению, та зарплата, которую он получает за полёты, несправедлива и мала.

— Ты что, и там бы хотел получать? — смеялся я, кивнув головой в потолок кабины. — Туда тебя на работу не брали, а туда, — я перевёл взгляд на пол, — с собой ничего не возмёшь! Ежедневная качественная наша работа — это пульсирующая кровь в артериях большого организма, имя которому — государство, укрепление его обороноспособности. Так говорил мой первый командир отряда Васильев Василий Васильевич, который сам прошёл войну и летал к партизанам.

— Может, пусть этим занимаются те, кто носит военную форму и кого в том числе и мы содержим?

— Наполеон говорил: “Кто не кормит свою, тот будет кормить чужую армию!”

— Я хотел сказать: не в коня овёс!”

В авиации “штурмов” считали белой костью. Каково же было моё удивление, когда после развала страны и гражданской авиации мой подалься в торговлю, стал рубить мясо на рынке. И всякий раз при встрече подчёркивал, что получает в несколько раз больше, чем за полёты. После его слов мне становилось не по себе. В наше время многие мои сверстники мечтали попасть в авиацию и так же, как и я, про себя молили об этом Бога. И он такую возможность предоставил. Но не всем, и в том была Его воля. А что — могло ли быть по-иному? Оказывается, могло!

“Есть как бы два времени, два пространства. Одно — историческое, календарное, другое — неисчислимое, — говорил Александр Блок в своей статье “Крушение гуманизма”. — Только первое время и первое пространство неизменно присутствует в цивилизованном сознании; во втором мы живём лишь тогда, когда чувствуем свою близость к природе...”

Россия, нищая Россия,  
Мне избы серые твои,  
Твои мне песни ветровые —  
Как слёзы первые любви!  
Тебя жалеть я не умею  
И крест свой бережно несущ...

Поэт был прав: каждый в жизни несёт свой крест. “Самолёт — не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как плуг”, — писал Экзюпери. И мы, взяв в руки этот плуг, принялись пахать воздушную целину. Поначалу мир из кабины самолёта показался мне огромным, но, попривыкнув и после освоив уже другие, более современные самолёты, я увидел, что наша планета мала, её, при взгляде сверху, как глобус, можно было при желании обнять руками. И самолёт стал для меня и для моих пассажиров, как удав, который заглотив, но обещал выпустить. Спустя тридцать лет он это сделал, выпустил меня, поседевшего, но целого, с отметинкой в лётной книжке — 15 тысяч часов налёта, а это — я прикинул чуть позже — больше двух лет, которые я провёл в воздухе. Одной заботой стало меньше, одной слезой человеческая река стала мельче. Что я потерял и что в итоге приобрёл? Провёл огромное количество времени между небом и землёй, подвешенный как бы на невидимой верёвке. И где моя жизнь неслышно, как страница за страницей, перелистывалась час за часом, день за днём. Да, я пытался на чистых листах бумаги фиксировать то, что видел и ощущал. Работающая пила лопастей, звук моторов пытались перемолоть весь встававший на пути самолёта воздух и всё небо, обрывки моих дум и мыслей. Сегодня, когда многое позади, я думаю, что эта работа была нужна не только мне. В мой самолёт входили и выходили люди — и то

было движение из одного состояния в другое. Всё живое должно и обязано двигаться и перемещаться. Я пытался понять, зачем и для чего это движение, зачем люди на Земле сегодня... Значение идеи пути определено Александром Блоком как сознание особого движения, позволяющего вместить в образы мгновенных переживаний всю историю мира, его прошлое и будущее, ведь именно путь должен быть средством постижения сущности мира как его гармонизация. Сегодня, когда другие сидят в кабинах самолётов, я еду в метро и вижу своих бывших пассажиров, которые сидят, уткнувшись уже не в газеты и книги, а в гаджеты. Да, это они — уже московские, а не сибирские. Я размышляю: зачем эта стадная привычка? И что там они видят и читают? Желание остановить время, отвлечься, глядя на мелькающие лики, свои или своих близких? Круг этот постоянен, и это не что иное, как бесконечная погоня глядеть в лицо своей надвигающей старости. После очередной остановки они прячут свои гаджеты в карман и выходят, а им на смену вскакивают в вагон другие, быстрыми глазами ищут свободное место и с полным правом плюхаются на него, чтобы хоть и на короткое время — от остановки до остановки — сказать себе: “Жизнь удалась!” Как по команде, и у них в руках появляются всё те же гаджеты, чтоб знать, что будет завтра или через день. Самая читающая страна стала самой разглядывающей себя державой. Привычно и как-то горько смотреть на одну и ту же картину. Хочется думать, что я ошибаюсь. Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес забрела.

**А. Г.:** Если верить Василию Белову, автору великой книги “Лад”, он, отвечая на мой вопрос, когда возродим русскую деревню, ответил: деревню уже не возродить... Так на чём должны вырасти Беловы и Распутины, если той деревни, которая взрастила их, уже нет и, видимо, не будет?!

**В. Х.:** Думаю, Василий Иванович был прав; ту деревню, в которой он родился и жил, не возродишь. Деревня будет, но она уже будет другая. Давай вспомним небольшое стихотворение Николая Иванова:

Никогда  
Ничего не вернуть,  
Как на солнце не вытравить пятна,  
И, в обратный отправившись путь,  
Всё равно не вернёшься обратно.  
Эта истина очень проста,  
И она, точно смерть, непреложна.  
Можно в те же вернуться места,  
Но вернуться назад  
Невозможно...

Распутин тоже говорил об исчезновении той деревни, которую он любил и знал. Но остановить письмом, словом можно того, кто способен читать и мыслить самостоятельно, и делать из этого правильные выводы. А писать и читать люди будут. Только о чём? Недавно на конференции “Молодость. Творчество. Современность”, проходившей на Байкале, один из обсуждаемых начинающих писателей, кстати, уже ставший руководителем творческого объединения “Неоклассический синдром”, рассказывая о своём творчестве и о себе, заявил, что русская культура и деревенская проза обречены, она как более слабая должна поглотиться западной культурой, а деревенская ныне уже почти исчезла. Да и была ли она? И сделал оговорку: “Ну, возможно специальная военная операция на какое-то время и задержит процесс поглощения русской цивилизации, но в конечном итоге она обречена”. Я спросил его, кого он знает из представителей деревенской прозы? Да, западных писателей, на кого он равняется и кому подражает, он назвал сразу же и охотно.

— Да чего их вспоминать! — поморщившись, сказал он про “деревенщиков”. — Писали про трактора, гайки, про деревенских пьяниц и чудаков.

— И это всё?! — спросил я. Ответом мне было молчание.

Выходит, ложные маяки есть, их творцы стараются воздействовать на сидящих рядом, отыскивая единомышленников, и считают, что только они достойны первых премий и всевозможных вознаграждений. И возвращают их не

где-нибудь, а в родном моём городе. А разговоры о всечеловеческих ценностях, о которых кричали, как они считали, непризнанные в конце восьмидесятых годов, захлопывая двери в наш общий Союз писателей и создавая свои союзы, как были, так и остаются ширмой, чтобы диктовать свои взгляды и, не стесняясь, выказывать свои аппетиты. “Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай им, отдай им заслуженное ими. За то, что они невнимательны к действиям Господа и к делу рук Его, Он разрушит их и не созиждет их”. В прошедшем году в Иркутске под крышей библиотеки Молчанова-Сибирского проходила конференция КНИГАМАРТ. На неё были приглашены в основном лауреаты премий “Книга года”, где одним из главных идеологов является оппозиционно настроенный к нынешней российской власти Дмитрий Быков, который после начала спецоперации одним из первых рванул за бугор. То есть были приглашены его последователи. Думаю, совсем не случайно на эту конференцию была приглашена со своим неприкрытым интересом к нетрадиционной сексуальной ориентации выросшая в Усть-Илимске Оксана Васякина.

“Женское тело у Васякиной показано в противостоянии мужскому, мужчина воспринимается как организатор и контролёр социальной среды. Но он поражён, как писала когда-то Александра Коллонтай, эмоциональной атрофией, “любовой импотенцией”, в отличие от импотенции физиологической; в пределе “любовой импотенции” такое овеществление женщины, как изнасилование. В поэзии Оксаны Васякиной реакцией женщины иногда становится ответное насилие, разрушение мужского тела. Но поскольку трёхмерного тела, как ни крутись, в двухмерные строчки не уместить, это вербальное насилие против вербального тела...” – так писали о творчестве Васякиной критики, они считали, что это “сообразуется с современным культурно-устойчивым образом Сибири”. Главным лауреатом конференции стал Дмитрий Данилов с книгой “Саша, привет!”, о которой в аннотации говорится, что редко бывают книги, которые ещё до чтения вызывают такой восторг. Здесь всё понятно: если есть бюджетные деньги, то обязательно их надо дать “с восторгом”, не раздумывая и даже не читая. Многие тайное и прикрытое ширмой сегодня становится явным.

Ведь этих авторов сюда, в Иркутск, на эту конференцию, кто-то пригласил... Хочется спросить, а куда смотрело Министерство культуры области? Понятно, они не читали книги приглашённых. Да и не прочтёшь всего! Главное для чиновников – запланировать и провести, а там – хоть не рассветай. Но могли бы поинтересоваться мнением иркутских писателей. Или их мнение уже не в счёт? В последние годы многие мероприятия проходят в Иркутске как бы под прикрытием имён Валентина Распутина и Александра Вампилова. Сегодня их уже нет, возразить или поправить что-то они уже не в состоянии. Но под их именами к нам в Сибирь приезжает и пускает корни “пехота” Дмитрия Быкова, Улицкой, Акунина, которые не скрывали и не скрывают, что презирают или ненавидят Россию. И прилетают они за казённые деньги и выступают под крышами сибирских библиотек, чтобы показать: мы успешны и востребованы. Чтобы стать примером для тех, кто мечтает о карьере профессионального литератора. Для таких существует одна ценность – это собственное “я”, деньги, изданные книги. Похоже, что мы для них – край непуганых идиотов, наша участь – молчать и принимать всё как неизбежную реальность. А вот премии они будут брать – зачем же летать впустую, а если им не дадут, начнут лаять и кричать на всю округу.

Почему-то мне вспомнился вопрос Василия Ивановича Белова после того, как мы во время поездки в охваченную войной Югославию летом 1995 года в городе Брчко проскочили под обстрелом Пасаввинский коридор и оставили позади себя взрывы снарядов и ощущение близкой смерти, которая была от нас в нескольких шагах. Повернувшись к Распутину, Василий Иванович неожиданно спросил: “Валя! Как ты думаешь, нас ещё долго будут читать?” Этот вопрос он, видимо, не раз задавал себе. Писательство стало делом всей его жизни. Не предполагал тогда Василий Иванович, что просмотр и чтение гаджетов станут главным занятием или развлечением самого читающего народа в мире. Может, для того чтобы закрыться ими, как шторой, и не видеть окружающий мир, не уступить старику или старушке место...

“Чего хвалить не умеешь, того не суди. Не делай добра, ругать не будут. Правда светлее солнца. Шуту в дружбе не верь. В слепом царстве – слепой

король. В дороге и отец сыну товарищ. Добро того бить, кто плачет. Ключ сильнее замка. Не бойся истца, бойся судьи. Не по летам бьют, а по ребрам. Убыток уму прибыток. . .”

Эти пословицы я выписал из книги Василия Ивановича Белова “Лад”.

“Стихия народной жизни необъятна и ни в чём не соизмерима, — писал Василий Иванович. — Постичь её до конца никому не удавалась, и, будем надеяться, никогда не удастся”.

Тогда мне пришло в голову, что так же не удастся разгадать свойства человеческой тупости, глупости и равнодушия к тому, что было до тебя, на чём фундаменте ты хочешь построить своё и хочешь, чтоб оно стояло как можно дольше.

Разношёрстность, неоднородность и завистливость, неумение слушать другого присутствуют в среде людей, занимающихся вопросами русской идеи. Если к этому добавить определение Александра Сергеевича Пушкина, что мы ленивы и нелюбопытны, нам некогда читать друг друга, мы можем лишь жёстко и безапелляционно судить, рядить и насмехаться.

**А. Г.:** Ещё лет десять назад Валентин Распутин назвал нашу страну колонией, определил и признаки её — чужая экономика, чужая архитектура, чужие песни, чужая еда и т. д. Никто тогда не опроверг его выступление на Всемирном русском собрании. Никто в правительстве и не думал избавляться от колониальной зависимости ни в самолётостроении, ни в семеноводстве, ни в станкостроении. Результат — армия по-сердюковски развалена, станкостроение по-чубайсовски уничтожено, нет ни своих самолётов, ни тракторов. Зато много разговоров об импортозамещении. Есть ли, на твой взгляд, в России сила, способная услышать Распутина, избавиться от колониального пресмыкания перед Западом и вывести Россию на свой самобытный путь развития? На кого ты возлагаешь надежды? Без национально мыслящей элиты не будет никакого развития. Но откуда они возьмутся, если власть в руках русофобов, скрытых и нескрытых? И дело не в том, что такой западник, как руководитель “Сбера”, Греф заявил: “Уход иностранных компаний из России — один из самых негативных факторов для нашей экономики”. Дело в других неизлечимых бедах — зайдите в любой ресторан, там, как правило, играет не русская музыка, а иностранная. Включи телевизор, и там не увидишь ни русских писателей, ни художников. Мы с тобой недавно были на 90-летию замечательного поэта, редактора ведущего патриотического журнала “Наш современник”, равного которому по следованию национальным традициям сегодня нет, большого подвижника русского мира Станислава Куняева. Да, Путин прислал теплую телеграмму Куняеву. Был ещё высокий орден от Патриарха РПЦ Кирилла. Но прекрасный творческий концерт юбиляра прошёл не в Кремлевском Дворце съездов, и на экранах телевидения его не показали. Что касается орденов государственных, то их дают таким смехачам, как Хазанов. У государственника Куняева нет ни одного ордена “За заслуги перед Отечеством”, хотя я хлопотал перед Министерством культуры о награждении, а Хазанов — аж полный кавалер этого высокого ордена. Ну, и как при такой политике зародится национально мыслящее поколение?!

**В. Х.:** Да Куняев в этих орденах и не нуждается! Всему своё время. Он уже получил всё, что необходимо поэту, писателю в России. Это признание и любовь читателей, возможность заниматься своим любимым делом.

**А. Г.:** Настоящий русский патриот Александр Михайлов, он же народный артист, постоянно выступающий на Донецкой земле, где идёт война с неонацизмом и бандеровщиной, возлагает надежды на молодых солдат и офицеров. 7 декабря в газете “Аргументы недели” он обнародовал свою позицию: “Они вернутся с фронта и принесут нам новую культуру. Новых поэтов, писателей, композиторов. Это не Новороссия, это новая Россия. И когда с войны вернутся сегодняшние парни, они сметут всё наносное, всю пену, заполонившую театр и кинематограф. Дай Бог нам до этого дожить”. Как ты думаешь, а доживём ли? Я не верю, так как вижу, что на местах среди губернаторов, в Министерстве культуры, в правительстве страны сидят чиновники с мышлением космополитов и западников. И когда молодые герои вернутся с победой, то первое, что они услышат: “Мы вас туда не посылали. . .”. Развей мои сомнения!

**В. Х.:** Он прав, они вернутся! И вернутся с Победой! И это будут другие люди и уже другая страна. Я уверен, мы до этого доживём. В 1993-м нам казалось, что уже никогда не будет той России, которую мы знали и любили. Но прошло время, долгих тридцать лет, пена, правда, ещё не вся схлынула, часть затаилась, часть сбежала. Но воздух становится чище, и появилась Надежда и уверенность. Давай вспомним стихи Николая Гумилёва:

...Я кричу, и мой голос дикий.  
Это медь ударяет в медь.  
Я, носитель мысли великой,  
Не могу, не могу умереть.  
Словно молоты громовые  
Или волны гневных морей,  
Золотое сердце России  
Мерно бьётся в груди моей.  
И так сладко рядить Победу,  
Словно девушку, в жемчуга,  
Проходя по дымному следу  
Отступающего врага.

**А. Г.:** Валерий Николаевич, одну из своих последних книг ты назвал “Мы же русские!”. А кто, по-твоему, может называться русским? Назови главное качество русского человека, отличающее нас от других людей, и качество, отличающее других от нас?

**В. Х.:** Это те люди, которые живут в России, любят Россию и готовы отдать свою жизнь за Россию.

**А. Г.:** В нашем Союзе писателей тысячи членов Союза, но все ли они русские по духу, по подвижническим делам? Что для тебя означает понятие “русский писатель”? Обязывает ли это обозначение к чему-либо?!

**В. Х.:** Прежде всего, это совестливый человек.

**А. Г.:** В этой же книге у тебя прозвучала интересная и весьма интригующая мысль: “Если спорить, то с Василием Беловым, если молчать, то с Валентином Распутиным”. Вопрос простой: о чём ты спорил с Беловым и зачем молчал с Распутиным? Второй вопрос в продолжение этой темы... Не ощущаешь ли ты себя одиноким, потеряв таких собеседников? Можешь ли ты с кем-то поспорить, как с Беловым, и помолчать, как с Распутиным?

**В. Х.:** Со многими близкими, да и не только близкими мне писателями у меня бывают хорошие и дельные разговоры. И молчим, когда надо. И спорим. Например, с тобой, когда встречаемся или когда я приезжал к тебе в Борисоглебск. Сошлусь опять-таки на Василия Ивановича Белова: “Не люби по-таковщика, люби встрешника”.

**А. Г.:** Как ты понимаешь свою миссию почвенничества?!

**В. Х.:** У меня такой миссии нет. Я даже не знаю, что это такое.

**А. Г.:** Я долгое время переписывался с писателем и литературным критиком Валентином Курбатовым. После ухода из жизни Валентина Распутина он писал мне, что остался совсем одиноким, общаться не с кем... Он называл Белова, Астафьева, Распутина последними русскими писателями. Не сразу я понял, какой смысл он вкладывал в понятие “последние”. Лишь с прочтением его книги переписки с Распутиным “Каждый день сначала” пришло осознание, что с уходом из литературного и политического пространства деревенской литературы и её идеологов – Распутина, Белова, Абрамова – больше таких писателей не будет, они последние. Цитирую Курбатова: “Забвение торопится отнести ещё вчера всеобщую для русского сознания “деревенскую” литературу к почтенной истории, уже ничего не определяющей в нынешнем миропонимании. Они и сами, “деревенщики”-то, чувствовали закат (“Последний

поклон”, “Последний срок”, “Прощание с Матёрой”), но всей любовью и памятью ещё надеялись удержать лучшее в человеке: долгую землю и высокое небо... Валентин Григорьевич и тут был последним”. Трудно не согласиться, что с уходом Белова и Распутина подобных писателей не будет, ещё более осознавать, что с их уходом мы теряем “деревенскую” литературу с “долгой землёй и высоким небом”. Но трагедия в другом, в том, что они последние русские писатели. Конечно, писать о деревне кто-то будет, но это будет не литература Белова и Распутина, а значит, Курбатов прав – они последние, и последние потому, что русские. В чём ты видишь русскость “деревенской” прозы Белова и Распутина? Что для тебя значат “долгая земля и высокое небо”? Чем чревата для России потеря не только Белова и Распутина, но и той деревенской литературы, которая удерживала лучшее в человеке – “долгую землю и высокое небо”?!

**В. Х.:** Анатолий Николаевич! Давайте не будем пессимистами. Последние – это не для России. Будут, но уже другие. Были Толстой, Шолохов, Белов, Распутин. Каждый из них по-своему отразил эпоху, в которой они жили и оставили не только свои книги, но и передали тем, кто придёт им вслед, как и за что можно любить и отстаивать своё Отечество, родной язык и родную землю. А по поводу утверждения Валентина Курбатова, что, мол, стало не с кем поговорить... Это же чистая гордыня. Для него и Распутин и Астафьев были людьми, на которых он как критик делал себе имя. Бывало, даже говорил не только за себя, но и за них, где просили, а где бы можно было и помолчать.

**А. Г.:** Возрождение русской нации в настоящее время – это не только вопрос демографии и сбережения народа, а вопрос выработки национальной идеологии, переоценка ценностей, избавление от преклонения перед Западом, создание русских школ, возвращение национально ориентированной элиты. Однако, чтобы всего этого добиться, нужны лидеры, пассионарии, подвижники с глубоким национальным самосознанием. Это понимают и те последние русские мыслители и подвижники, которые в меньшинстве и книги которых мало кто читает, но эти книги, увы, с теми же названиями, как у Белова и Распутина – у замечательного писателя Владимира Крупина “Последний бастион святости”, у историка Натальи Нарочницкой “Русский рубеж”, у православного писателя и издателя Александра Крутова “Трудно быть русским”, у поэта Станислава Куняева “Сквозь слёзы на глазах...”, у писателя Михаила Чванова “Мы – русские?” и т. д. Есть ли у тебя рецепт возрождения России как великой империи, как русской цивилизации? Согласись, что Россия может выжить, только если будет великой и сильной, а таковой она может быть только при сохранении и развитии русской идентичности, культуры, традиций, веры?!

**В. Х.:** Анатолий Николаевич, в самом вашем вопросе есть ответ. Я не врач, и рецептов у меня нет. Но если обратиться к истории России, то можно отметить одну закономерность. Когда власть и народ были едины, мы были непобедимы.